

Лишь с наступлением темноты они наконец сели за стол.

Впрочем, аппетита у Цзинь Линьэра не прибавилось: черная кашеобразная масса, в которую превратилось тушеное лисье мясо, выглядела совершенно несъедобно.

Заметив, что мальчик так и не притронулся к палочкам, Сунь Цинфэн с каменным лицом положил ему в чашку кусок побольше и сухо велел:

— Ешь.

Мальчик поднес мясо к губам, откусил крошечный кусочек и чуть не разрыдался — блюдо оказалось настолько пересоленным, что перехватило дыхание. Спешно переложив несколько самых крупных кусков обратно в чашку мужчины, он вымученно улыбнулся:

— Вы трудились весь день, старший. Вам нужно хорошенько подкрепиться.

Тот в мгновение ока опустошил две глубокие пиалы риса и, строго взглянув на приемыша, обронил:

— Не привередничай.

Повозив палочками в чашке, Линьэр негромко пробурчал:

— Но рис же совсем сырой... Старший Сунь, простите мою дерзость, но неужели за все годы на Границе Белого моря вы привыкли питаться именно этим?

Он вовсе не хотел обидеть своего защитника. Просто если тот не лгал и действительно разменял третий век, питаясь подобным варевом, его оставалось лишь искренне пожалеть.

Сунь Цинфэну же показалось, что мальчишка просто воротит нос от его стряпни, над которой он промаялся половину дня. Раздраженно стукнув чашкой о стол, он отрезал:

— Не хочешь — ходи голодным. Насильно пихать не стану.

К его изумлению, мальчик послушно отложив палочки, молча вышел из-за стола.

«Я что, нанимался ему в няньки?» — раздражение закипало в груди Сунь Цинфэна.

Мужчина сидел мрачнее тучи, погруженный в безрадостные думы, как вдруг почувствовал, что кто-то несмело тянет его за край рукава. Он резко дернул рукой, не желая даже оборачиваться.

Но Линьэр упрямо ухватился за ткань снова и робко позвал:

— Старший Сунь...

— Человеческого языка не понимаешь? — Сунь Цинфэн резко вскинул руку.

Старое платье, слишком долго пылившееся в сундуке под замком, давно изъела моль. Ткань со звонким треском лопнула, и половина рукава осталась в кулаке у мальчишки.

Растерянно сжимая в руке обносок, Линьэр протянул мужчине пиалу с чистой прохладной водой:

— Мясо получилось слишком соленым. Выпейте, легче станет.

До Сунь Цинфэна дошло, что он повел себя глупо и мелочно. Брать чашу теперь казалось неловким, отказываться — еще глупее. Тогда он просто наклонился и прямо из рук мальчика в несколько жадных глотков осушил пиалу. Отерев губы, он буркнул:

— Хм. Сносно.

Оставалось лишь гадать, относилось ли это к воде или к его собственной вспышке гнева.

Линьэр молча набрал еще одну чашу воды, поставил ее на стол и чинно уселся на свое место.

Мальчик подцепил палочками кусок мяса, хорошенько прополоскал его в воде и, отправив в рот, удовлетворенно кивнул. Убедившись, что способ работает, он прополоскал второй кусок и протянул его прямо к губам опекуна:

— Старший Сунь, я знаю, что соли в погребе припасено на три жизни вперед, но давайте впредь класть ее поменьше.

Он понемногу приноравливался к крутому нраву своего защитника, а потому не стал жаловаться напрямую, а зашел издалека:

— Если есть столько соли, потом придется пить ведрами. А это значит — постоянно топить очаг, греть воду... Да и в постель можно ночью надуть, столько лишней мороки!

— Я в постель не мочусь, — буркнул Сунь Цинфэн, однако предложенное мясо съел, и он заметно смягчился. По-прежнему держась излишне прямо, он все же нехотя кивнул: — Сам ведь изнеженный, домашний... Откуда вчера смелости набрался пить теплую кровь лесного зверья?

— Я просто не хотел, чтобы вы страдали из-за меня. Ради вас я на всё готов. Но если есть хоть малейшая возможность, я бы предпочел не... — Линьэр запнулся, боясь, что честность опять разозлит его сурового опекуна.

— Исключено, — отрезал Сунь Цинфэн. — Даже не думай.

Линьэр зажал лицо ладонями и жалобно пролепетал сквозь пальцы:

— А можно мне... пить только кровь дичи?

Мужчина недоуменно нахмурился:

— Глаза-то зачем прячешь?

Слегка раздвинув пальцы, Линьэр признался:

— Боюсь увидеть, как вы злитесь.

— Если ты зажмуришься, я что, злиться перестану? — Сунь Цинфэн невольно усмехнулся, понимая, что весь его гнев улетучился без следа. Он посмотрел на мальчишку долгим, странным взглядом, вздохнул и смягчился: — На первых порах постижения «Божественного искусства Золотого облика» пить кровь каждый день не нужно. Достаточно трех хэ раз в пять дней.

— Три хэ? А это сколько?

— Меньше половины пиалы. Никто от такой потери не умрет.

Линьэр уморительно сморщил носик, на его лице отразилась такая мучительная душевная борьба, что это не укрылось бы даже от слепого. Наконец его осенило, и он с надеждой спросил:

— А можно мне... пить свою собственную кровь?

Сердце старого воина, скрытое под панцирем напускной суровости, дрогнуло. Ему стало невыносимо жаль мальчика. Набравшись терпения, он заговорил на удивление мягко:

— За эти дни на тебя свалилось слишком много бед. Если я начну объяснять все сейчас, ты лишь окончательно запутаешься. Запомни главное: каждый из прежних Глав культа Золотого света был благородным мужем. Будь у них иной путь, никто из них не стал бы осквернять себя чужой кровью. Но жизнь редко дает нам выбор. Неужели ты думаешь, твой отец был глупее

тебя? Раз даже он не сумел отыскать обходной путь, что можешь сделать ты? С того мига, как ты принял Золотую печать, твоя судьба предreshена. Тебя будут ненавидеть и преследовать. Твой путь будет труден. Но я знаю, каков ты на самом деле. И я останусь с тобой. До самого конца.

Линьэр не до конца уловил смысл этих слов, но почувствовал: в них сквозит тихая горечь, затаенная гордость и глубокая, искренняя теплота. Сердце мальчика наполнилось благодарностью, а на глаза вновь навернулись слезы.

Решив, что ребенок сейчас разрыдается, Сунь Цинфэн пошел на попятную:

— Ну хорошо. Пей пока кровь зверей, это не погубит твое развитие сразу. Посмотрим, как пойдет дело. Если зайдешь в тупик, тогда и вернемся к этому разговору.

— Старший Сунь, вы такой хороший! — радостно вскрикнул Линьэр и кинулся вперед, намереваясь обнять своего опекуна.

От такой бурной благодарности мужчина растерялся, кончики его ушей густо покраснели. Поспешно отступив, он уклонился от объятий, но тут же подхватил сорванца поперек живота, не дав тому растянуться на полу. Поставив его на ноги, он напустил на себя строгий вид:

— Прибери со стола. А я пойду проверю ловушки вокруг дома.

Прижав к груди верный Меч Губитель душ, Сунь Цинфэн направился к выходу.

Сквозь щели в оконной раме ворвался ночной сквозняк, заставив пламя масляной лампы испуганно заплесать.

У самого порога мужчина помедлил. Достав из кармана тонкие золотые пластины, найденные днем в подвале, он разложил три штуки на ладони и с силой прижал их к стене. Когда он отнял руку, податливый металл намертво впечатался в стык между грубыми камнями кладки. Следом он вынул крупную ночную жемчужину и закрепил мерцающую сферу на импровизированном золотом ложе.

В то же мгновение скромное жилище озарилось ровным, холодным серебристо-белым сиянием.

Линьэр, прижав к груди пустые пиалы, сделал несколько шагов к двери, но застыл. Проводив опекуна взглядом, он нерешительно начал:

— Старший Сунь, вы...

Ему безумно хотелось умолять мужчину не оставлять его одного в этой глуши, но, вовремя

спохватившись, он пересилил себя. Понимая, что защитник не бросит его, мальчик робко закончил:

— Ночью в горах студено. Не задерживайтесь долго и... берегите себя.

Оперевшись плечом о косяк, Сунь Цинфэн обернулся и мягко улыбнулся:

— Вернусь через час.

— Я буду ждать! — просиял Линьэр и принялся за уборку с удвоенной силой.

Лощина Абрикосового цвета

В Лощине Абрикосового цвета редко встречались люди. Весной склоны гор тонули в нежно-розовом цветущем море, зимой ущелье укрывало белоснежное покрывало, а летом и осенью здесь царила благодатная прохлада. Из затаившегося неподалеку от каменного дома Источника, Внимающего снегу, без устали била ключевая вода. Ее чистый хрустальный звон круглые сутки оглашал округу, напоминая перестук драгоценных подвесок на поясе благородного мужа.

Весны сменялись осенями, раз за разом уступая место суровым холодам.

Не успели они оглянуться, как пролетело три года тихой, уединенной жизни. Мужчина и мальчик, чьи характеры были несхожи как лед и пламень, за время долгого сожительства сроднились настолько, что здешние живописные горы словно сплавили их души воедино.

Линьэр со временем полностью приноровился к нраву своего защитника. Оказалось, воин вовсе не был угрюмым или нетерпимым — скорее, ему было на все наплевать. К любому делу он относился спустя рукава, словно влачил существование исключительно ради того, чтобы исполнить некогда данный Двухсотлетний уговор.

Жил Сунь Цинфэн безо всякого распорядка.

Он мог почивать до самого полудня. Лишь когда у проголодавшегося Линьэра начинал жалобно урчать живот и тот принимался уныло канючить, воин нехотя сползал с постели, чтобы заняться стряпней.

Мальчик же, привыкший просыпаться с первыми лучами солнца, рано ложился и рано вставал, а потому быстро нагуливал аппетит. Поначалу он страшно боялся потревожить покой сурового воина, а потому часами тихо лежал на своей лежанке, преданно выжидая.

Но голод в конце концов заставил его действовать. Не выдержав, Линьэр стал тайком выбираться из постели и хозяйничать у очага. Увы, первый же опыт обернулся катастрофой. Из-за малого роста он едва доставал до края плиты. Стоило ему раздуть угли, как шальной язычок пламени лизнул кончики его волос. От испуга мальчик затряс головой, отчего колокольчик в его косе зазвонил на всю избу, и, не помня себя от страха, он опрокинул на макушку деревянный таз с холодной водой и замоченной зеленью.

Тяжелый таз с глухим стуком покатился по полу. Разбуженный шумом Сунь Цинфэн мгновенно вскочил и ринулся вперед с мечом наготове, но застал лишь мокрого до нитки приемыша. Мальчик сидел посреди лужи, горько рыдал, а с его головы и плеч сиротливо свисали листья дикой капусты.

С того дня мужчина зарекся нежиться в постели допоздна.

Готовил Сунь Цинфэн из рук вон плохо.

Овощи под его тяжелым ножом превращались в куски самых немыслимых форм, которые он бросал в котел, даже не глядя, закипела ли вода. Лишь после того, как полусырое варево трижды довело бедного Линьэра до жестокой рези в животе, воин наконец взялся за ум.

С тех пор он не подавал на стол ни одного блюда, не отведав его лично и не убедившись, что все ингредиенты размякли. Впрочем, изысканными его разносолы так и не стали: рис то превращался в клейкую жижу, то хрустел на зубах, а похлебка выходила то совершенно пресной, то невыносимо соленой.

Сам Сунь Цинфэн оправдывался тем, что за долгие годы одиночества на ледяных просторах Байхая почти перестал есть и начисто позабыл вкус нормальной пищи.

Линьэр, разумеется, лишь посмеивался в ответ, заявляя, что сытный обед — величайшая радость в подлунном мире, и позабыть вкус хорошей еды невозможно, даже если из головы выветрится содержание всех заученных наизусть книг.

На это воин лишь угрюмо качал головой: его отец был истовым буддистом, а потому детей в семье держали в строгости и впроголодь. Позже же, на военной службе, когда приходилось без конца отражать набеги кочевников Гуйфан, о вкусе пищи никто не думал — за счастье было просто набить брюхо сухой лепешкой.

Лето

В разгар душного лета Сунь Цинфэн любил лежать на кушетке у распахнутого окна, подставляя лицо прохладному сквозняку. Стоило ему задремать, как он почувствовал, что на

его живот опустилось что-то мягкое и легкое. Открыв глаза, он обнаружил устроившегося рядом Линьэра. Тот бережно гладил его живот ладонью и легонько на него дул.

— Старший Сунь, — улыбнулся мальчик, — вот подрасту еще хотя бы на полпальца и сам буду готовить. Каждый день стану баловать тебя вкусными блюдами. Чтобы через сто лет, когда меня уже не будет на свете, ты помнил эти вкусы... и вспоминал обо мне.

Сунь Цинфэн остался совершенно невозмутимым, однако с того дня его кулинарные навыки стали заметно улучшаться.

Линьэр отличался редкой неприхотливостью и неизменно съедал всё до последней крошки.

Хотя под крылом матери и при тайном покровительстве отца он никогда ни в чем не нуждался, легкий, покладистый нрав он унаследовал от Сюэ Линъюнь. Дорогие наряды и изысканные яства его не прельщали.

Гораздо важнее для него были искреннее отношение и забота. Именно поэтому, когда Сунь Цинфэн наставлял его на путь тренировок и говорил о чистой совести, мальчик проникся к нему безграничным доверием. Он замечал каждую мелочь, каждую скрытую попытку сурового воина облегчить его жизнь, и не скупился на ответную ласку.

Уже через два месяца совместной жизни крутой нрав Сунь Цинфэна заметно смягчился.

К исходу третьего месяца воин перестал просто терпеть присутствие ребенка — он начал всерьез задумываться над собственным поведением и пытался меняться. Особое беспокойство у него вызвало то, что Линьэр стал все реже выходить на улицу, предпочитая целыми днями лежать на лавке и томиться от скуки. Мальчик становился точной копией своего нелюдимого опекуна. Сунь Цинфэн не на шутку испугался, что его собственная апатия погубит живую душу ребенка, и тогда он просто не сможет оправдаться перед усопшим Чжао Шо.

Прежде безучастный ко всему воин изменил свои привычки. Теперь вместо того чтобы спать в темной каменной хижине, он уходил отдыхать на залитые солнцем поляны, где Линьэр мог резвиться у него на глазах.

Кто бы мог подумать, что эта уступка наполнит серые будни старого воина тихой радостью.

Обычно Сунь Цинфэн выбирал раскидистое дерево, взбирался на толстый сук и засыпал под шелест листьев. Однако Линьэр не умолкал ни на минуту, то и дело заходясь звонким смехом. Каждый раз, когда мужчина готов был погрузиться в дремоту, его пробуждал этот чистый детский голосок. Сердиться на мальчишку не хотелось — смеялся он на редкость заразительно, — а потому опекун лишь недовольно приоткрывал один глаз, силясь понять, что же на этот раз так увлекло приемыша.

А забав у ребенка хватало. Он часами вел беседы с дождевыми червями в теплой земле и медлительными улитками на гнилых пнях, а греющуюся на солнце белую змейку уважительно величал «Белой госпожой». Даже осыпавшиеся дикие абрикосы достаивались его «рыцарской» заботы. Мальчик с важным видом принимался спасать их: бережно собирал подгнившие плоды, прилежно копал палочкой крошечные могилки и предавал их земле, приговаривая, что они должны упокоиться с миром, дабы весной прорасти новыми побегами, зацвести и принести новые плоды. При этом он непременно обещал вернуться и отведать сладкого урожая. Казалось, в его маленьком сердце не было места печали — где бы он ни находился, он всегда находил повод для чистой радости.

Сунь Цинфэн втихомолку ворчал на его ребячество, но не мог отвести глаз, наблюдая за ним часами. Стоило же Линьэру почувствовать на себе этот пристальный взор и обернуться, как мужчина тут же зажмурился, делая вид, будто крепко спит.

Мальчик из-за этого жутко огорчился, ведь в его голове то и дело вертелась одна и та же мысль:

«Почему старший Сунь так смотрит на меня? Может, он тоже хочет поиграть, да стесняется?»

Дни безвозвратно утекали как внешние воды, складываясь в недели и месяцы.

Пять прежних Глав культа Золотого света безоговорочно доверяли Сунь Цинфэну, но ни один из них не был связан с ним столь чистой, искренней близостью, какая возникла у него с маленьким Линьэром.

В душе Цзинь Линьэра горел теплый огонек, способный согреть любого, кто оказывался рядом. Сунь Цинфэн, слишком долго блуждавший во тьме ледяных пустынь, не стал исключением. Рядом с этим ребенком лед в его груди постепенно таял, возвращая человеческий облик и заставляя вспомнить простую истину: он все еще человек.

<http://bllate.org/book/18425/1769162>